

РАДОСТЬ И БЛАГОДАТЬ

ПАСХАЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ
И ДЕТЕЙ

Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)-44
Р15

Художественное оформление
Елены Кузнецовой и Елены Анисиной

Радость и благодать : пасхальные истории для
Р15 взрослых и детей. – Москва : Эксмо, 2025. – 256 с.
ISBN 978-5-04-209157-5

Христианство, как основа русской культуры, нашло отражение в творчестве многих авторов. Такие писатели, как Иван Шмелев, Владимир Короленко, Александр Куприн и многие другие, видели, как свет Пасхи преображает жизнь, и описывали эти события в своих произведениях. В книге раскрывается нравственный стержень русской литературы, который помогает читателю прикоснуться к своей душе и стать ближе к Богу. Книга представляет собой сборник пасхальных рассказов русских писателей разных эпох, дарующих атмосферу добра, радости и единства.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-04-209157-5

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Аркадий Аверченко	
«Дебютанты» («Пасхальный рассказ»)	7
Зинаида Гиппиус	
«Святая плоть»	19
Владимир Набоков	
«Пасхальный дождь»	84
Николай Колосов	
«Не может быть»	97
Владимир Короленко	
«Старый звонарь» (глава из книги «Весенняя идиллия»)	121
Александр Куприн	
«Московская Пасха»	132
Алексей Ремизов	
«Днесь весна»	137
«Пасха»	150
Мария Толмачёва	
«Тасина Пасха» (отрывок из повести «Как жила Тася»)	160
Михаил Салтыков-Щедрин	
«Христова ночь»	168
Марина Цветаева	
«Пасха»	179
Саша Черный	
«Пасхальный визит»	185
Иван Шмелёв	
«Пасха»	195
«Вербное воскресенье»	216
«На Святой» (главы из книги «Лето Господне») . . .	236

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Дебютанты

Пасхальный рассказ

*Никто не может отговариваться
незнанием закона.*

Неприспособленных к жизни людей на свете гораздо больше, чем думают. Это все происходит от того, что жизнь усложнилась: завоевания техники, усложнение быта, совершенствование светского этикета, замысловатость существующих законов — от всего этого можно растеряться человеку, даже не страдающему привычным тупоумием.

Раньше-то хорошо было: хочется тебе есть — подстерег медведя или мамонта, треснул камнем по черепу — и сыт; обидел тебя сосед — подстерег соседа, треснул камнем по

черепу — и восстановлен в юридических правах; захотел жениться — схватил суженую за волосы, треснул кулаком по черепу — и в лес! Ни свидетельства на право охоты, ни брачного свидетельства, ни залога в обеспечение иска к соседу — ничего не требовалось.

Вот почему молодые супруги Ландышевы, брошенные в Петербурге поженившимися их провинциальными родителями, смотрели на Божий мир с тревогой и смятением щенков, увидевших и услышавших впервые загадочный граммофон.

Все было сложно, непонятно.

Вся процедура венчания была проделана теми же умудренными опытом родителями жениха и невесты; о чем-то хлопотали, предъявляли какие-то странные документы, метрические, где-то расписывались, кому-то платили, кто-то держал образ, кто-то целовал молодых, — и что было к чему — молодожены совсем не понимали.

Еще муж — тот пытался разобраться в сложной путанице русского быта, а жена, прочирикав однажды, что она «ничегошеньки ни в чем не понимает», раз и навсегда махнула рукой на всякие попытки осмыслить механику жизни...

Главное затруднение для мужа заключалось в том, что в его мыслях сплелись в один запутанный клубок три различных института: Церковь, полиция и медицина. От рождения и до смерти священник, доктор и околоточный¹ царили над жизнью и смертью человека. Но кого, в каких случаях и в каких комбинациях надлежало призывать на помощь — бедный Ландышев не знал, хотя уже имел усы и даже служил корреспондентом в цементном обществе...

Смятение супругов увеличилось еще тем, что через сотню дней ожидался ребенок, и судьба этого беспомощного младенца была супругам совершенно неведома. Конечно, нужно пригласить доктора.

...Ну, а священника... пригласить? А в полицию заявлять надо? Кто-то даст какое-то «свидетельство» или «удостоверение», но кто — Церковь, медицина или полиция?

И выражение робости и испуга часто появлялось на лицах супругов, когда они за остывшим супом обсуждали эти вопросы.

---

¹ В Российской империи чиновник городской полиции, ведавший околотком (на конец XIX века — 3–4 тысячи жителей), минимальной частью полицейского участка в более крупных городах империи.

Ах, если бы с ними были папа и мама! Те знали бы, что приглашение Ландышевыми полиции при заключении с домохозяином квартирного контракта было совершенно излишне; те отговорили бы супругов от просьбы, обращенной к священнику – выдать «удостоверение» в том, что он служил у Ландышевых молебн... Те всё знали.

Швейцар Саватей Чебурахов постучал в дверь, перешагнув через порог и, держа на отлете сверкающую золотой тесьмой фуражку, торжественно и веско сказал:

– Имею честь поздравить с праздником присно блаженного Светлого Христова Воскресения и пожелаю вам встретить и провести оно в хорошем расположении и приятном сознании душевных дней торжества его!

Ландышевы сидели за столом и ели ветчину с куличом, запивая сладким красным вином.

При появлении швейцара страшно сконфузились.

– Спасибо, голубчик! – стараясь быть солидным, пробасил Ландышев. – И тебе того же... Воистину... Сейчас, сейчас... Я только вот тут... распоряжусь...

И он выскочил в другую комнату, оставив подругу своей жизни на произвол судьбы.

Но подруга не терялась в таких случаях; она вылетела вслед за ним и сердито сказала, сморщив губки:

— Ты чего же это меня одну бросил?! Что я с ним там буду делать?

— А что я буду делать? — отпарировал муж.

— Как что? Я уж не знаю... Что в этих случаях полагается: ну, похристосоваться с ним, что ли, по русскому обычаю...

— Со швейцаром-то?!

— А я уж не знаю... Я в «Ниве» видела картинку, как древние русские цари с нищими по выходе из церкви христосовались... А тут, всё-таки, не нищий...

— Да постой... Значить, я с ним должен и поздороваться за руку?

— Почему же? Просто, поцелуйся.

— Постой... присядем тут, на диванчик... Но ведь это абсурд — целоваться можно, а руки пожать нельзя!

— Кто ж швейцарам руку подает? — возразила рассудительная жена. — А поцеловаться можно — это обычай. Древние государи, я в «Ниве» видела...

— Постой... А что, если я просто дам ему на чай?

— Не обидится ли он?.. Человек пришел с поздравлением, а ему вдруг деньги суешь. У этих рабочих людей такое болезненное самолюбие.

— Это верно. Но просто похристосоваться и сейчас его выпроводить — как-то неловко... Сухо выйдет. Может быть, предложить ему закусить?

— Пожалуй... Только как поудобнее это сделать; к столу его подвести или просто дать в стоячем положении.

— Э, черт с ними, этими штуками! — воскликнул муж. — Смешно, право: мы тут торгуемся, а он там стоит в самом неловком положении. Неужели я не могу быть почитателем старозаветных обычаев, для которых в такой великий день все равны?.. Несть, как говорится, ни элина, ни иудея! Пойдем.

Ландышев решительно вышел в комнату, где дожидался швейцар, и протянул ему объятия.

— А-а, дорогой гость. Христос Воскресе! Ну-ка, по христианскому обычаю.

Швейцар выронил фуражку, немного попятился, но сейчас же оправился и бросился в протянутые ему объятия.

Троекратно поцеловались.

Чувствуя какое-то умиление, Ландышев застенчиво улыбнулся и сказал гостю:

— Не выпьете ли рюмочку водки? Пожалуйста, к столу!

Швейцар Чебурахов сначала держался за столом так, как будто щедрая прачка накрахмалила его с ног до головы. Садясь за стол, с трудом сломал застывшее туловище и, повернувшись на стул, заговорил бездушным деревянным голосом, который является только в моменты величайшего внутреннего напряжения воли...

Однако радушие супругов согнало с него весь крахмал, и он постепенно обмяк и обвис от усов до конца неуклюжих ног.

Чтобы рассеять его смущение, Ландышев заговорил о тысяче разных вещей: о своей службе, о том, что полиция стала совершенно невозможной, что автомобили вытесняют извозчиков... Темы изложения он избирал с таким расчетом, чтобы дремлющий швейцаров ум мог постичь их без особого напряжения.

— Автомобили гораздо быстрее ездят, — солидно говорил он, пододвигая швейцару графин. — Пожалуйста, еще рюмочку. Вот эту — я вам налью, побольше.

— Не много ли будет? Я и так пять штук выпил, а? Да и одному как-то неспособно пить. Хи-хи!..

— А вот Катя с вами вином чокнется. Катя, чокнись по русскому обычаю...

— Ну-с... с праздничком. Христос Воскресе!

— Воистину!

— Представьте себе, у меня в конторе, где я служу, до полутора миллиона бочек цемента в год идет.

— Поди ж ты! Цемент, он, действительно...

— Теперь, собственно, жизнь вздорожала.

— Да уж... Не извозчик пошел, а галман какой-то... Эфиоп.

— Почему?

— Да разве его от подъезда отгонишь? Ни Боже мой. А жильцы протестуются.

— Скажите, вы довольны, вообще, жильцами?

— Да разные бывают. Вон из третьего номера жилища, которая пишет, что массажистка — та хорошая. Кто ни придет — молодой ли, старик — меньше полтинника не сунет.

Швейцар налил еще рюмку и, подмигнув, добавил:

– А то какой-нибудь ошалевший с ее человек и трешку пожертвует. Ей-богу!

И он залился довольным хохотом.

– А с четырнадцатого номера музыкантша – прямо будем говорить – гниль. Ни шерсти, ни молока. Шляются ученики – сами такие, что гривенник рады с кого получить. Старая, шельма. Никуда. Го-го-го!..

Прикрыв рот рукой, так как им овладела икота, смешанная с веселым смехом, – швейцар подумал и сказал:

– А в девятом дамочка с мужем живет – так прямо памятник ей поставить. Как муж за дверь – так, гляди, каваргард на резинах подлетает. И уж он тебе меньше целкового никогда не сунет. Уж извините-с!

Он игриво ударил Ландышева по коленке:

– Понял?

Супруги угрюмо молчали. Такой красивый жест, как приглашение меньшого брата к своему столу, сразу потускнел.

«Меньшой брат» был человек крайне узких, аморальных взглядов на жизнь: всех окружающих он оценивал не со стороны их добродетелей, а исключительно с точки зре-